

Старое и новое в анархизме

Александр Моисеевич Атабемян

1918 год

Предисловие

Трудно себе представить более глубокое одичание, более полное нравственное разложение, чем то, которое переживает теперь Россия.

Не уцелел ни один устой правовых и этических взаимоотношений людей: бесмысленные погромы, зверские самосуды, предумышленные убийства вплоть до арестованных больных на госпитальных койках, административные расстрелы — стали заурядными явлениями; попираание самых элементарных прав человека — личной свободы и личного достоинства, неприкосновенности домашнего очага, свободы живого и печатного слова, свободы сходов, союзов, манифестаций, стачек, — обычный приём борьбы власть имущих со своими действительными или мнимыми противниками; позорная пародия на правосудие, далеко оставившая за собой произвол чиновничьего суда царских времён, — полное игнорирование вчерашними товарищами по тюрьме, каторге и ссылке третейских судов и судов чести, этих ценных коррективов всякой казённой юстиции, — официальные обращения «социалистической» власти к населению с призывом к доносам и сыску, при обещании материального вознаграждения, — вымогательство денежных сумм под видом судебных и административных кар за вымышленные провинности (всего не перечесть!) — вот та культура, которая насаждается властвующими партиями; потеря народом чувства самосохранения перед сильным внешним врагом и подлая агрессивность по отношению к кажущейся слабой провинции за то только, что она недоразвилась до восприятия социализма промышленных центров и отмахивается от его насаждения деморализующими приёмами центральной власти, а рядом восточная лесть религиозному фанатизму мусульманства всего мира — вот в общих чертах тот уровень морального падения, до которого докатилась Россия за время владычества большевизма.

И всё-таки причина не в большевизме, — хотя большевистская интеллигенция должна нести ответственность за творимые при её активном участии нарушения самых элементарных норм этики культурного человека, — причина глубже: причина в длительной мировой войне.

Истекающее кровью и обнищавшее человечество испивает также до дна чашу морального разложения, преподнесенную ему чудовищем войны.

Нравственные устои народов России, находившихся веками под специфическим гнётом самодержавия, оказались не из прочных; они скорее и глубже разложились, чем в западной Европе, и породили тот разгул моральной разнузданности, который мы теперь переживаем.

Затихшая было на русских фронтах международная война перекинулась вовнутрь страны, превратилась в затяжные междоусобные войны, которые продолжают углублять дело морального разложения страны...

Но ведь должен же наступить конец, должен же найтись выход из создавшегося положения!

Народное самосознание само подсказывает, где его найти. Если вдумчиво всмотреться в окружающую жизнь, то нетрудно заметить: народ ищет выхода из удушливой моральной атмосферы в полной социальной справедливости.

Никогда ещё, со времен первых веков христианства идеи не владели так умами и душой народных масс, как в нашу эпоху.

Большевизм идёт без колебаний навстречу этой жажде социальной справедливости, и в этом его сила.

Но для достижения высших целей он не ограничивается проповедью, а пользуется устарелым аппаратом власти — непригодным средством для воздействия на общественное развитие на новых этапах цивилизации. Классическое орудие гнета не может превратиться в орудие свободного социалистического строительства: практика большевизма это нам доказала наглядно.

Негодным оружием они затеяли завоевать новый мир.

Большевизм погубит дело социального строительства, он широко распахнет двери перед реакцией, если все социалистические партии, от так называемых правых до крайних левых, включая туда также идейных большевиков и анархистов, не объединятся для изыскания практических путей к перестройке общества на новых началах.

Враги? Непримиримые враги?

Но что нас разъединяет?

Принципы? Убеждения? Тактика?

Разве не должны мы понять, наконец, что длящаяся уже четвертый год всеразрушительная война коренным образом изменила экономические, правовые и этические взаимоотношения разных общественных слоев, поэтому она не может не

отразиться на идеологии рабочего движения, на теоретических ценностях социализма и на его тактике.

Если все социалистические партии, — и партии, ставшие у кормила власти не меньше, чем остальные, — беспомощно мечутся на арене стремительно развертывающейся истории, — если, став господами положения после февральской революции, социалистические партии не сумели до сих пор наладить планомерное социальное строительство, то это произошло не от их злой воли или нерадения, а единственно от непонимания хода истории, от консервативного желания сохранить старую социалистическую идеологию довоенного времени при коренным образом изменившейся исторической обстановке.

Эту самую устаревшую идеологию большевики прямолинейно, слепо проводят в жизнь, и в противоречии изжитой уже теории с реальными запросами жизни — весь трагизм большевистского порыва.

Переоценка всех теоретических ценностей социализма стала насущной потребностью, чтобы вывести страну из нынешней разбушевавшейся стихии истории в гавань мирного социалистического развития.

«Теперешняя война творит новую историю. Она всем народам ставит новые условия общественного строительства», — предсказал Кропоткин в самом начале мировой войны¹.

Суть в том, чтобы понять, в чем заключаются эти новые условия общественного строительства. Поняв их, быть может, социалисты разных толков слились бы в одну сплоченную семью, в тесный союз работников на социалистической ниве.

И первое, самое основное условие для объединения, это отказ от аппарата власти, этого отживающего эмпирического приема для воздействия на социальное развитие.

Настало время довериться основному обновленному началу народничества, — довериться самодеятельности народных масс, их творческой инициативе.

Это творчество — не абстракция, не отвлеченное умозрение, не далекая утопия: оно бьет ключом из всех расщелин, причиненных мировой войной надломленным общественным взаимоотношениям.

Продовольственные объединения, домовые и заводские комитеты, всюду проникающее кооперативное начало, расцвет профессиональных союзов и возможность возрождения самообороны страны — самообороны, теперь уже признаваемой всеми,

¹ Кропоткин П.А. Письма о текущих событиях. М.: Задруга, 1918.

— возрождения армии под руководством технического профессионального союза офицеров и сами Советы рабочих депутатов, призванные жизнью согласовать деятельность и профессиональные интересы всех трудовых слоев населения вне — и вопреки власти, — все эти факторы реального общественного строительства на новых началах приобрели бы мощный расцвет и вывали бы страну из состояния нравственного маразма, если бы не всюду проникающий, — выражаясь энергичными словами Максима Горького, — подлый яд власти над людьми.

Старое и новое в анархизме

За последнее время, когда в России крайние партии завладели властью и таким образом очутились в центре, широкие слои населения особенно усиленно стали интересоваться «партией левее большевиков». Этот интерес возник не без основания. Идеями анархизма все более и более проникается у нас в России рабочее движение, их охотно воспринимали остатки армии и флота, многие их называют «преемниками большевиков», в глазах трудовых масс анархизм приобрел, можно сказать, «право гражданства», так как он стремится к еще более высокой социальной справедливости, чем обещанная им большевизмом.

Удивительный порыв к интегральной справедливости владеет в настоящее время умами народных масс! Анархизм, действительно, способен увлечь эти народные массы за своими высокими идеалами, если только сами анархисты оказались бы на высоте своего исторического призвания.

Но до сих пор часть анархистов в практических выступлениях делала все, чтобы отшатнуть от себя всех идейных людей, а остальная часть, хранящая чистоту этических начал своего учения, к сожалению, не проявляет большой активности.

Так или иначе, каждому гражданину следует познакомиться с анархизмом, если не для того, чтобы воспринять полностью ту бесспорную истину, которую несет в себе это учение, то хотя бы с целью понять своего завтрашнего противника на практическом общественном поприще.

В чем заключается сущность анархизма?

Трудно ответить на этот вопрос исчерпывающим образом, так как анархизм не представляет из себя законченного научного учения или обособленного философского мировоззрения.

То, что характеризует анархизм, то, что общее для всех анархистов, какова бы ни была исходная точка и образ их мышления, это — отрицание власти, отрицание права за людьми принудительно подчинять себе других людей, если даже власть исходит от численного большинства.

Дидро формулировал эту мысль в следующих словах: «Природа не создала ни господ, ни слуг; я не хочу ни издавать, ни получать законы».

Вот единственное общее, неоспоримое положение, признаваемое всеми анархистами. Во всем остальном мнения могут расходиться. Но для читателя интересны не абстрактные дискуссии, а происхождение и идеология международного анархистского рабочего движения, так как в настоящее время практическое значение имеет только это последнее.

Идеология анархистского движения, как и идеология социал-демократии, возникла из теоретических начал, лежавших в основе первого Интернационала — Международного Союза Рабочих, основанного в 1864 году в Лондоне.

Возникший тогда Союз задался целью экономического освобождения рабочих от эксплуатации капитала руками самих же рабочих. Для достижения намеченной практической цели Интернационал выкинул свои боевые лозунги: классовую борьбу и международное объединение наемных рабочих (пролетариата).

Но когда пришлось перейти от слов к делу, Интернационал натолкнулся на главное препятствие: сопротивление правительственной власти.

На вопросе об отношении к власти Интернационал раскололся и распался на два течения: одни, — будущие социал-демократы, — предлагали завладеть властью для того, чтобы задавить в момент победы класс капиталистов так называемой «диктатурой пролетариата», другие — из среды которых возникло современное анархистское движение, — находили, что с победой над властью будет побежден и обезоружен капитализм, а потому нужно прямо стремиться целиком упразднить власть, как опасное оружие классового гнета, в котором социализм, как гармоничный строй, без классовых противоречий, не будет нуждаться даже в момент своего восторгования.

Вот вкратце идейная сущность международного социалистического движения и его двух основных разветвлений: государственного (социал-демократического) и анархистского.

Этой идеологией проникнуто все социалистическое движение с конца шестидесятых годов до наших дней.

Интернационал имел в виду объединение только наемных рабочих, главным образом промышленного пролетариата. Капитализм, все более и более развиваясь, должен был вытеснить отдельных ремесленников и мелкие мастерские, он должен был распространиться и на земледелие: в результате полного расцвета капитализма как промышленного, так и земледельческого, должны были исчезнуть промежуточные классы, владение орудиями труда сконцентрировалось бы в немногих руках обособленного класса капиталистов и, таким образом, облегчился бы их переход в коллективное владение самими рабочими. Этим путем был бы положен конец эксплуатации труда.

Этой идеологией первого Интернационала проникнуто все анархистское рабочее движение и часть анархистов (русские синдикалисты) до сих пор целиком стоят на этой идейной платформе.

Но за 50 с лишком лет, со времени учреждения первого Интернационала, жизнь не остановилась; не застыла в анархистская мысль. Дальнейшее развитие науки и жизни, в особенности опыт последней войны и русских революций, вскрыли недостатки теоретических предпосылок социализма и, в связи с этим, видоизменяется и идеология анархизма.

* * *

Главным фактором концентрации капиталов считалась до сих пор техника машинного производства.

Паровой двигатель централизовал технику производства, он объединял на заводах и фабриках наемных рабочих, механическое производство удешевляло стоимость вырабатываемых фабрикатов и конкуренция беспощадно разоряла мелкую промышленность, пользовавшуюся ручным трудом. По этой схеме должно было идти дальнейшее развитие капиталистического производства вплоть до его завершения в социализме.

Но с течением времени появилась новая двигательная сила, не применявшаяся еще в производстве во времена зарождения Интернационала. Эта сила — электричество. Оно быстро завоевало себе равное место наряду с паром и даже стремится приобрести преобладающее над ним положение.

Новая двигательная сила, в отличие от пара, легко делится и отводится на расстояние от своего источника зарождения. То что пар объединил, электричество строится дробить.

Затем, при дальнейшем усовершенствовании техники, появились двигатели нового, особого типа — двигатели внутреннего сгорания, менее громоздкие, чем паровые и более портативные, чем электрические.

Сильные и свободные, новые двигатели целыми стаями уже летают над облаками, покорные и послушные воле смелого человека-летчика.

Они же снуют всюду по земле, без рельс, развозя грузы и людей.

Завтра они будут пахать, сеять и жать на любой полоске земли.

Во многих отраслях производства и даже в земледелии раздробившийся усовершенствованный двигатель приостановил дальнейшую централизацию промышленности и стремится даже ее децентрализовать. Кропоткин давно указал и изучил этот новый фазис развития производства², но социалисты всех школ, и даже анархисты, не

² См. «Хлеб и Воля», гл. «Децентрализация промышленности», и «Письма о текущих событиях».

достаточно оценивают то огромное изменение, которое вносит новое направление развития техники производства в унаследованную ими от старого Интернационала идеологию экономического развития.

* * *

Не оправдалась и другая теоретическая предпосылка в программе Интернационала о концентрации капиталов во все более и более ограниченном числе рук, с обособлением общества на два разграниченных класса, с одной стороны, — держателей капитала — буржуазии, и с другой — единого в своих интересах пролетариата.

Необыкновенный расцвет разных акционерных обществ и товариществ на паях за последние пятьдесят лет дал возможность мелкому капиталисту, часто не отрываясь самому от продуктивного труда, объединиться с другими для конкуренции, — для того, чтобы поспеть за развитием техники производства без потери прав собственности на свою долю вкладаемого в предприятие капитала.

Крупный капитал, своей конкуренцией, не поглотил мелкий, а объединил его. Мало того, крупный капитал сам стал перенимать ту же систему акций и паев, что давало возможность каждому отдельному производству или предприятию, еще более расширяться. Этим, однако, не уменьшилось, а напротив, увеличивалось число совладельцев предприятия и, вместе с тем, облегчалась для них наследственная передача без ущерба для производства и, при невозможности прямого деления, без продажи его более крупному капиталисту.

Акционерные общества и товарищества на паях давали возможность мелкому собственнику сохранить за собой свой производительный капитал, но они, конечно, не препятствовали скоплению более или менее крупных капиталов в одних руках. Только число крупных капиталистов, по сравнению с массой мелких держателей паев и акций, сравнительно ничтожно.

С другой стороны, кооперативное начало, которое все глубже проникает в строение общества и все шире распространяется, стремится объединить самый мелкий капитал, преимущественно из мелких сбережений, в руках самих мелких потребителей и участников производства.

Таким образом, капиталы, от самого крупного до самого мелкого, тесно сплетаются в процесс производства, обмена и распределения продуктов. Класс капиталистов расплывается во всем обществе и не представляется возможным выделить его в обособленное сословие.

* * *

Эти теоретические соображения представляли бы ограниченный практический интерес, если бы партии, усвоившие начала Интернационала, не приобрели огромное влияние на самый ход истории и не проводили бы в жизнь теорию классовой борьбы с упорством, отсутствием критики и даже фанатизмом религиозных верований.

Классовая борьба — застывший догмат веры всех социалистов и даже многих анархистов. Ужасные последствия широкого распространения и применения этой несостоятельной в научном отношении теории в темных народных массах России, мы видим и переживаем со времени февральской революции, особенно, после торжества прямых наследников Интернационала — социал-демократов (большевиков), при близком контакте (в первый раз в истории) с сонаследниками — анархистами.

После октябрьского переворота, ставшего столь кровавым, благодаря экзальтации внушенной этой теорией, стали искать «буржуев». Но тщетны оказались поиски. Преступления капитализма были на лицо, а сам преступник неуловим. Оказалось, что буржуазия, как класс людей, всосалась в средние, и даже отчасти в низшие по своему достатку слои населения. Можно было указать на отдельных богачей, но и от тех давно след простыл...

Продолжали искать буржуазию, и в Москве нашли ее в лице Минора, состарившегося из-за борьбы за социализм в тюрьмах и на каторге, и его товарищей по партии, — в лице революционного офицерства и той части учащейся молодежи, которая сплотилась около партии социалистов-революционеров, в то время как другая часть примкнула к большевикам.

И совершились кошмарные события, пролилась с обеих сторон братская кровь во славу нового догмата веры темного народа — классовой борьбы. Этот догмат пробудил дремлющий во всяком невежественном человеке дух фанатизма. И воскресли самые мрачные времена религиозных гонений...

* * *

Расстроенный уже при Временном правительстве капитализм, как система производства, был разрушен; основа этой системы — частная собственность, — фактически отменена, но простые рабочие оказались неподготовленными, не сумели совладеть сложным аппаратом производства, и опять пошли искать врага — неуловимую буржуазию.

После старательных поисков нашли наконец еще врагов в своих же рядах. Пролетарии разных категорий труда ополчились друг на друга: чернорабочий настроился на мастерового, оба вместе на работников научных технических знаний; одна часть работников умственного труда накинулась на другую часть и пошла борьба между ними; затем разложение охватило работников умственного труда, мастеровых и простых рабочих одной и той же профессии и стали открыто проповедовать и широко применять штрейкбрехерство. Таким образом был нанесен смертельный удар другой основе Интернационала — теории массового объединения всех работников наемного труда — пролетариата.

Затем повели рабочих искать «классового врага» в провинции. Кровь и разрушение разлились по всей стране во славу теории господствующих партий социалистов-государственников.

В чаду междоусобной войны, погоняемый фантомом классовой борьбы, народ не понял, что единственные несомненные, как внутренний, так и внешний враг, сеющий раздоры и мешающий его внутреннему и международному объединению, это — государственная власть.

* * *

Изнуренный жестокой длительной войной и убаюканный другим догматом новой веры — международным объединением пролетариата, народ сложил оружие перед беспощадным внешним врагом, организованным в сильное военное государство и, подобно христианам первых веков нашей эры, потеряв инстинкт самосохранения, беспомощно стал перед завоевателем, ожидая чуда от международной солидарности пролетариата для своего спасения.

Так глубока эта вера в международную классовую солидарность в проводящей ее интеллигенции и так слепа она в воспринявших ее народных массах, что не замечают они, что, если бы этот фактор был существенным двигателем цивилизации в нашу эпоху широкого распространения просвещения в западной Европе и Америке, то самая война не могла бы возникнуть, а, тем менее, длиться так долго. Очевидно судьбами человечества руководят иные законы.

В чем причина ошибочности идеологии Интернационала, наложившего свою печать на современное социалистическое и анархистское движение и где научный путь к осуществлению идеала социальной справедливости, на эти вопросы даст ответ: на первый — исторический обзор зарождения теоретических предпосылок Интернационала и на второй — изложение новейшего развития анархистской мысли.

* * *

Время, когда вырабатывались теоретические основы Интернационала, совпало с временем появления в свет научного труда Дарвина о происхождении видов, сразу приобретшего колоссальную известность, занявшего прочное место в науке и завладевшего умами современников

По аналогии и созвучию с одной из руководящих мыслей, лежащих в основе научного исследования Дарвина, а именно о роли борьбы за существование в процессе изменения видов, гипотеза классовой борьбы тоже приобрела ореол научности.

Прежде всего нужно заметить, что теория Дарвина не тем велика, что она уделила борьбе за существование роль одного из факторов эволюции биологического мира, а тем, что она впервые подробными конкретными научными наблюдениями доказала изменимость вида, который считался до тех пор постоянным в серии последовательных поколений,—иначе говоря, Дарвин научно обосновал теорию эволюции.

В активе же гипотезы классовой борьбы не было никаких научных изысканий, подобных дарвиновским. Позднейшие же исследования — труды Де Ланессана и

главным образом Кропоткина, установили преобладающую роль фактора ассоциации для борьбы, как в эволюции видов, так и в развитии обществ, — ассоциации, роль которой не упустил из вида сам Дарвин. В структуре обществ, действительно, видно подразделение на классы, или вернее, на профессиональные объединения, и нередко наблюдается борьба между равными профессиональными слоями, но в гораздо большей степени проявляется содружество или взаимопомощь разных слоев населения, объединенных в одно более или менее обширное общество, или государство, для самозащиты от внешних враждебных вторжений в независимую жизнь и развитие страны.

Вся история человечества — сплошная панорама такой борьбы разных стран между собой. Самый поразительный пример стойкой упорной ассоциации классов для агрессивной и оборонительной борьбы представляет нынешняя гигантская по своим размерам и длительная война.

Здесь столкнулись не интересы двух враждебных классов, капиталистов и пролетариев, а интересы целых стран, объединивших общностью выгод все слои своего населения.

Страна более новая по мощному развитию своего капиталистического производства, Германия, подобрав себе союзников, затеяла борьбу за подчинение своей экономической гегемонии более старые капиталистические страны и встретила дружный, недостаточно предусмотренный ею отпор чуть ли не всего остального мира. В исходе этой борьбы германский трудовой народ заинтересован материально, наравне со своими правящими сословиями; вот почему он остался глух к многократным романтическим призывам, русских социалистов, обращенных к нему после февральской революции.

«Германская нация еще не сознает, что план обогатить германский народ внезапным нападением на соседей и быстрыми завоеваниями на Западе и на Востоке, потерпел крушение», говорит Кропоткин³.

Когда она действительно поймет это, тогда сама откажется от стремления к мировому экономическому господству. Только тогда она отшатнется от логики своего капиталистического строя и, в согласии со всеми народами цивилизованного мира, поищет новые пути и новые начала для своего внутреннего и международного преуспевания.

А для того, чтобы германская нация поняла это, нужна самооборона, нужна борьба, ибо в борьбе мы обречем право свое на независимое социалистическое развитие. Для успешности же борьбы, нужно объединение.

«Вызванное ею (войной) объединение всех слоев общества в одном общем деле не пройдет бесследно, а заложит зачатки более объединенной жизни», — сказал Кропоткин в самом начале войны⁴.

³ Кропоткин П.А. Открытое письмо к западно-европейским рабочим. [М.: Почин, 1918].

⁴ Кропоткин П.А. Письма о текущих событиях. М., 1918

Это объединение всех слоев общества в западной Европе уже начало давать плоды, оно перестраивает общественный строй на новых началах методичнее и прочнее, чем у нас в России; на эту перестройку общественных порядков Запада указывает Кропоткин в своих «Письмах о текущих событиях», и только благодаря плохой осведомленности, в связи с условиями военного времени, мы не можем ближе приглядеться к этой созидательной стороне жизни Европы, вызванной нынешней войной.

У нас в России это объединение возникло и пышно расцвело в сторону социального строительства в первые годы войны. Оно нашло широкое поле практического применения, богатый материал и полезный опыт в деятельности Всероссийского Земского Союза и других общественных организаций. Дело организации помощи миллионам беженцев — целым народам, стало школой практического социализма. Затем деятельность общественных организаций распространилась и на коронное население. Это их плодотворная деятельность создала у нас продовольственная организации и выработала первоначальную технику снабжения и распределения продуктов.

Война, этот фактор раздора, гнета и разрушений, на этот раз стала плодотворно-созидательной. Это произошло от того, что по своим небывалым размерам и длительностью она расшатала всю хозяйственную жизнь земного шара. Она буквально стала войной народов и подчинила своим уравнивающим требованиям все слои общества.

Широкие экспроприации частной собственности она едва маскировала названием реквизиций; твердыми ценами она уничтожила свободную торговлю; продовольственными организациями для равномерного распределения продуктов первой необходимости она стремится уравнять все слои населения. Словом, основам капиталистического строя наносился удар за ударом, и это не только у нас, но в еще большей степени в центральной и западной Европе. Уцелел пока оплот сословных подразделений — правительственная власть, но и в нем пробиты большие бреши.

Разрушения войны сами вызвали широкий размах общественного почина и моральное объединение всего общества. Степень разрушений войны в соответствующей же мере пробуждает общественную самостоятельность. В борьбе с этой сплоченной самостоятельностью общества потерпело крушение самодержавие.

Ставшие господами положения после февральской революции социалистические партии тщетно старались укрепить остатки общественного объединения, расшатанного еще при старом режиме и направить их по социалистическому руслу. Их собственная идеология классовой борьбы сама в себе несла фактор разрушения этого естественного стремления спасти все общество объединением для обороны.

Идеи Интернационала, широко посеянные в народных массах социалистами всех толков, взяли верх над инстинктом самосохранения и логически привели к октябрьской революции и к полному международному обессилению России.

Мировая война разрушила основы капиталистического хозяйства, октябрьская же революция продолжает ее дело и разрушает уже самые формы капиталистического строя.

Подобно войне, октябрьская революция тоже своими разрушениями пробуждает к жизни творческие силы народных масс в разнообразных новых формах объединений и взаимопомощи, этого могучего фактора прогресса, научно изученного Кропоткиным.

Но новая власть уже успела создать свои корпоративные интересы и профессиональные привилегии, она сознает, что в этом объединении и проявлениях самодеятельности народа ее конец, а потому она всячески поддерживает и разжигает готовую потухнуть всеобщую вражду и раздоры.

* * *

Рассчитывать на то, что естественный ход истории сам по себе приведет нас непременно в царство социализма, не приходится. Выше мы видели, что идеология Интернационала, построенная на этом автоматическом развитии исторических факторов процесса концентрации капиталов и дифференциации общества на два обособленных класса, далеко не оправдалась. То же самое будет со всякой теорией, опирающейся на естественную игру более или менее правильно схваченных двигателей общественного развития.

Идеолог научного анархизма, Кропоткин, не ограничивается простым анализом строения общества и изучением факторов его видоизменений; он призывает «всех людей с сердцем, умом и знаниями» приложить всю свою энергию к перестройке общества.

Иначе говоря, анархистское рабочее движение не должно стать простой политической партией, стремящейся только к упразднению государственной власти, а должно вылиться в организованный фактор сознательного воздействия на ход истории плодотворным строительством.

Теоретический анархизм — наука, его практика должна стать прикладной наукой.

Примечания

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Моисеевич Атабекян
Старое и новое в анархизме
1918 год

<http://oldcancer.narod.ru>

ru.anarchistlibraries.net